В.А.Ольшевская, С.Н.Травников

"ЖИТИЕ ИОАННА КАЗАНСКОГО"

"Житие Иоанна Казанского" — малоизвестный памятник русской агиографии XVI в. Скорее всего, автором этого произведения был Нифонт Кормилицын (ум. после 1561 г.), видный религиозный деятель своего времени, удостоившийся чести присутствовать при пострижении в иноки смертельно больного великого князя Василия III. Умный и деятельный иерарх церкви, Нифонт в сложный, богатый противоречиями период правления Ивана IV Грозного сумел сделать блестящую карьеру: в 1522—1543 гг. он был игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря, затем стал настоятелем московского Ново-Спасского монастыря (1543—1554), а в конце жизни — епископом Крутицким и Сарским (1554—1559). Убежденный иосифлянин, он активно боролся со своими религиозно-политическими противниками. В монастырской темнице Иосифо-Волоколамского монастыря скончался глава нестяжателей, князь-инок Вассиан Патрикеев, томился в заключении Максим Грек. Волоцкий игумен Нифонт выступал на процессе по обвинению в ереси книжного справщика Исаака Собаки. Царь Иван Грозный ценил Нифонта за верность и политическую дальновидность и не раз давал ему сложные поручения. В 1550 г. царь взял его с собой во второй Казанский поход, чтобы Нифонт воодушевлял воинов на борьбу с "агарянами".

Иосифляне поддерживали великих московских князей Василия III и Ивана Грозного, которые провозгласили борьбу с Казанским ханством в качестве приоритетной линии внешней политики. По словам Ивана Грозного, доказывавшего необходимость разгрома остатков золотоордынской империи, "от Крыма и от Казани до полуземли пусто бяше"[1]. Борьба за "подрайскую землицу", в приобретении которой была заинтересована русская церковь, трактовалась ее деятелями как священная религиозная война с "погаными", "неверными", "отступниками Христовой веры".

Казанская тема стала ведущей в иосифлянской церковной политике и нашла свое отражение в волоколамской публицистике и беллетристике. С середины XVI в. до начала XVII столетия Казанская епархия находилась в руках иосифлян. Постриженниками Иосифо-Волоколамского монастыря были казанские архиепископы Гурий Руготин (1555—1563), Герман Полев (1564—1568), Лаврентий (1569—1574), Тихон Хворостинин (1575—1576), Иеремея (1576—1581). Игуменами Богородицкого Свияжского монастыря были Гер-

ман Полев (1555–1564) и Иеремия (1564–1565), а казанского Спасо-Преображенского монастыря — Варсонофий (1555–1567) и Иеремия (1567–1576). Первым казанским митрополитом стал воспитанник иосифлян, будущий патриарх Гермоген (1589–1606). В Казани бывал старец Иосифо-Волоколамского монастыря Герасим Леньков. В летописчиках волоцкой монастырской библиотеки сохранилось множество записей, относящихся к казанским делам[2].

Колонизация новоприобретенных земель и миссионерская деятельность среди мусульманского населения требовали появления культа местночтимых святых, связанных с Поволжьем. На Макарьевских соборах середины XVI в. были канонизированы казанские святые Гурий, Герман и Варсонофий.

Нифонт Кормилицын считался специалистом в области русско-татарских отношений, с чем было, например, связано возведение его на престол епископа Крутицкого и Сарского, отвечавшего за состояние православия в среднем и нижнем течении Волги. Казанская тема постоянно присутствовали в его литературных произведениях. Нифонт являлся автором повестей о втором (1550) и третьем (1552) походах на Казань, которые читаются в том же сборнике, что и "Житие Иоанна Казанского"[3]. По мнению историка Г.З.Кунцевича, исследовавшего эти тексты, рассказы Кормилицына — оригинальные литературные произведения, на основе которых были созданы летописные статьи, вошедшие в состав Царственной книги и Второй Софийской летописи[4].

В "Житии Иоанна Казанского" рассказывается о мученической кончине русского пленника, отказавшегося принять мусульманство[5]. Это событие датируется в произведении 20 января 1529 г. Появление точных хронологических указаний в тексте "Жития" не являлось случайностью. С одной стороны, это документировало повествование о новом святом, с другой — указывало на особенности русско-казанских отношений этого периода, когда шла "рать без перерыва". Золотоордынская династия, правившая в Казани с середины XV в., в 1521 г. уступила местовыходцам из Крымского ханства, отпраздновавшим свою победу опустошительным набегом на Русь, докатившимся до самой Москвы. Нижний Новгород, откуда был родом Иоанн Казанский, считался стратегическим опорным пунктом в борьбе с ханством, поэтому основные удары татары направляли в сторону этой крепости, которую дважды штурмовали (в 1520 и 1536 гг.). Казанские войска разорили и опустошили северо-восточные земли Руси, перебили или увели в плен местных жителей, продавая их не только в Казани, но и на невольничьих рынках в Средней Азии, в Крыму, на Кавказе и в Оттоманской Порте.

Русское правительство, занятое укреплением западных границ и войнами с Литвой, не могло оказать серьезного воздействия на казанские дела. Неизвестный автор Казанской истории в афористи-

ческом стиле охарактеризовал специфику восточной политики Василия III: "...молча долго князь великий, 11 лет не могий управитися с казанцы, одолеваху бо ему зло не силою своею, но лукавствомъ и хитростию своею ратною"[6]. В этом фрагменте текста "Казанской истории" речь идет о событиях, хронологически близких к времени пленения и казни Иоанна Казанского, то есть с весны 1521 г., когда в Казани воцарился представитель крымской династии ханов Сахыб-Гирей, до 1532 г., когда его племянник и новый правитель Казани Сафа-Гирей лишился престола.

Хозяином раба Иоанна стал "тятка" хана сафа-Гирея (1510—1549) — князь Али-Шукур (Али-Шукир, Али-Шукуран). Судя по тому, что о нем не упоминает хорошо осведомленный автор "Казанской истории", Али-Шукур не был широко известен в Казани и не занимал видного положения в среде местной аристократии. Русские летописцы, внимательно следившие за событиями в Казани, отметили факт его гибели во время междоусобной борьбы 1531 г., в результате которой Сафа-Гирей был изгнан из города. Однако летописные сообщения об этом туманны: непонятно, погиб ли в схватке сам Али-Шукур или речь идет о гибели его сына[7]. В.Н.Татищев пояснял, что изгнание Сафа-Гирея осуществила промосковски настроенная казанская партия, выполнявшая распоряжение великого князя Василия III. Она побила "крымцев", в числе которых находился и Али-Шукур[8].

В "Житии" рассказывается о наличии в Казани "детей боярских великого князя", православного священника и русского кладбища. Эти сведения не расходятся с исторической действительностью. В Казани постоянно проживали представители великого князя Василия III, осуществлявшие связь не только с казанскими правителями, но и членами "московской партии". В городе находились лавки русских купцов. Ежег.но в Казань на ярмарки съезжались астраханские, среднеазиатские, армянские, сибирские купцы, производившие торговые операции на Гостином острове против устья реки Казанки.

В жанровом отношении анализируемое произведение относится к житию мартирологического типа, где объектом изображения являлась кончина мученика за христианскую веру. В мартирологах центральное место занимала тема смерти, которая рассматривалась не столько как факт физической гибели человека, сколько как явление религиозно-назидательного плана. Человек обладал правом выбора между жизнью и смертью, и это усиливало "героический ореол" агиографических героев, которые "предпочитали мученическую смерть жизни, купленной ценою отступничества"[9].

На жанровую специфику этого произведения оказала влияние и поэтика "чуда". Появление чудесного начала в "Житии Иоанна Казанского" связано не столько с иллюстрацией святости героя, сколько с сюжетной организацией произведения, в котором "чудом заме-

няется психологическая мотивировка поступков героя, особенно в период его нравственно-религиозного подвига"[10]. С типологической точки зрения чудесное в "Житии" следует рассматривать в контексте традиционных евангельских чудес перемещения в пространстве и воскрешения из мертвых. Возможно, на рассказ о чудесном воскрешении Иоанна повлияла мартирологическая "Повесть о Меркурии Смоленском", содержавшая сходные мотивы "усечения главы" святого и чудесного перемещения мертвого тела в земном пространстве[11].

"Житие Иоанна Казанского" прямо связано с волоцкой литературной школой, для которой характерны тяготение к камерной форме документально-агиографического рассказа, напоминающего летописную статью-некролог, поэтизация одного события из жизни героя, усиление дидактического начала и публицистической направленности произведения, элементы натурализма в описании иноческого подвига, страданий и казни святого[12]. Волоцкие агиографы (Досифей Топорков, Вассиан Кошка, Евфимий Турков и другие) активно обращались в своем литературном творчестве к жанру патерикового жития, где религиозно-назидательное содержание обретало форму занимательного, остросюжетного рассказа, которому, по словам А.С.Пушкина, была свойственна "прелесть простоты и вымысла".

"Житие Иоанна Казанского" было достаточно популярным в русской средневековой литературе: оно имело широкое рукописное бытование, было включено в Великие Минеи Четии митрополита Макария (Синодальный список), в Чудовские Минеи Четии (1600) и в Минеи Четии Германа Тулупова (1627—1632)[13].

Текст "Жития Иоанна Казанского" публикуется по рукописи Нифонта Кормилицына, хранящейся ныне в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М.Е.Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге (Q.XVII.64. Л. 254—254об.). Это древнейший из известных списков Жития, так как сборник Нифонта Кормилицына датируется 40—50-ми гг. XVI в., о чем свидетельствует анализ водяных знаков рукописи (типа Брике, № 2995 — 1524—1525 гг. и №№ 4967—4968 — 1526—1528 гг.). По нижним полям рукописи (лл. 2—7) идет запись, сделанная полууставом XVI в.: "А писал самъ архимандрит у Спаса на Крутицах, а обещался Христу сию книгу дати во Осифов монастырь. И как преставлюся, и Бога ради Иисуса Христа дали бы сию книгу во Осифов монастырь, чтоб мою грешную душу помянули и в синаник написали"[14]. Известно, что Нифонт Кормилицын был игуменом московского Ново-Спасского монастыря в 1543—1554 гг., что подтверждает датировку рукописи 40—50-ми гг. XVI в. При публикации текста соблюдались нормы современной пунктуации, титла раскрывались, буква "ять" заменялась на "е".

О СВЯТЕМ МУЧЕНИЦЕ ИВАНЕ, ИЖЕ ЗА ХРИСТА МУЧЕН ВО ГРАДЕ КАЗАНИ

В лето 7037 (1529) генваря 20 въ граде Казани у дятки у царева у Али-Шукуря-князя служа некий христианскаго городу пленник именем Иванъ, родом Нижнего Новаграда. И належащиа ради нужи от татаръ, чтобы отврътся от Христа и был бы въ их вере, он же никакоже не отвръжеся, но и Магмета их прокля. Они же ласканиемъ и муками многыми прещаше, он же, яко твердый адамантъ, заплева лице их и веру ихъ прокля. Они же выведше его нага, руце ему опако суровым ременем завязаны крепце, и поставя его на усечение. Еще твердо великими дарми и честьми ласкаше ему, чтобы обрезался, он же проклиная их и безверники нарицая, а самъ именуя себе раба Иисус Христова Сына Божиа. Он же повеле главу ему усешщи, и усекоша главу ему мечемъ. Он же паде възнач, и толико держашеся глава малыми жилами съ десныа страны, а горло обоя и состави по костем пересечены. И еще все тело его изсече, и утробу навъсквозь пронзе противу сердца. Он же умре и лежаше с перваго часа дни и до нощи. А дни того мраз велик, и отаа под ним, около его на все страны по локоть. И в последний час дьни развезастая руце его. Он же единою рукою главу свою вземъ, постави прямо, якоже подобно, а другою рукою тайныа уды закрывъ, и въставъ с места, и иде к детям боярским великого князя. И нощи тое повеле священнику вся дневная и причащалная отправити себе, а самъ седяше, и прощение ко всемъ велеумно отдавая, и себе грешна нарицая, и причастивъся божественных таанъ, и всю нощъ без сна пребывая. На утриа же въсходящу солнцу предасть душу свою в руце Господи, за негоже и пострада. Бысть же весь домъ, в немже преставися, исполненъ благоуханиа, яко всем дивитися. И положено тело его в Казани в месте сокровение, на лесе, на старомъ кладищи русском.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1950. С. 47.

2 См.: Дмитриева Р.П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Т. XXVIII. Л., 1974. С. 221–222.

3 ГПБ, Q. XVII. 64. Л. 99–105 об.

4 См.: Кунцевич Г.З. Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 гг. // Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1897–1898 гг.— СПб., 1898.— Приложение. С. 23–35.

5 См.: Словарь исторический о русских святых. М., 1990. С. 117.

6 ПЛДР: Середина XVI в. М., 1985. С. 346.

7 См.: ПСРЛ. Т. 13, Ч. 1. СПб., 1904. С. 57.

8 См.: Татищев В.Н. история Российская. Т. 6. М., 1966. С. 130–131.

9 Купреянова Е.Н., Макогоненко Г.П. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976. С. 67.

[10] Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 72.

[11] См.: Слово о Меркурии Смоленском // ПЛДР: XIII в. М., 1981. С. 204–209.

[12] См.: Ольшевская Л.А. Вассиан Кошка — волоцкий агиограф XVI в. // Документальное и художественное в литературном произведении. Иваново, 1994. С. 133–148.

[13] См.: Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. С. 243.

[14] Подробное описание рукописи приведено в книге "Послания Иосифа Волоцкого" (М.; Л., 1959. С. 101–107).